Шаос прокряхтела во сне. И осторожно, придерживая округлый животик, перевернулась на спину... И так же бесконтрольно засучила ногами, стягивая со своей малость припухшей, зато сильно зудящей груди мягкое жёлтенькое одеяльце - ей было нехорошо. Жарко, неспокойно. Больно. Из-за чего эту беременность нельзя было назвать спокойной и размеренной. Девушка просыпалась среди ночи и буквально каждый момент желала, чтобы это поскорее закончилось. Чтобы они вышли из неё... И так - каждый раз.

Тем временем шёл шестой день. А живот всё рос. Причём делал это очень стремительно - и учитывая, что вод в ней так и не образовалось, вся её литров в пять матка была просто до отвала наполнена личинками. Копошащимися десяти сантиметровыми жирненькими червячками с чёрными головами, перепутанными между собой витыми жгутиками пуповин и... и теми самыми паразитами. Стремительно внутри неё росшими, так что между спокойно дремлющих мушиных детишек постоянно крутились гладкие, похожие на отваренную лапшу черви.

И хотя чем-то побеспокоенные детишки тоже порой начинали очень даже активно ползать, из-за чего весь её бугроватый живот также начинал качаться и идти волнами, больше всего беспокойства доставляли именно паразиты. Начиная с того, что они, когда там ползали, просто хлёстко задевали нежные стенки её матки (иногда она даже видела, как сквозь её кожу проступали эти росчерки от их прикосновений!) - так и заползали глубоко в яичники или же решали покидать её организм в любой, даже самый неподходящий момент. Они могли начать лезть через её кервикс когда она, например, обедала, после чего липко шевелились во влагалище и опадали в бельё. Где тоже начинали потом шевелиться.

А ещё - кусались. Ибо хотели кушать, а своих пуповин им предусмотрено не было. Почему они кормились так, как могли, в том числе и погружали свои головы в нежно-розовые стенки её слизистой, вместе с этим вбрасывая ей в кровь токсины. И хотя иммунитет её при этом активно работал, нейтрализуя всю заразу и излишне зарвавшихся паразитов, из-за этого у неё неминуемо росла температура, начиналась горячка и бред.

Скорее бы это кончилось...

Только вот и в этот раз она проснулась так же, как и вчера - в лёгком поту и соленой коркой на щеках и ресницах, а схваток не началось ни с утра, ни за полдень. Хотя и молоко уже пошло, пачкая одежду и вызывая чувство рези в груди, и живот уже для не самого крупного потомства изрядно надулся - и пора бы ему было перестать расти. Она в принципе не думала, что в этот раз нагуляет себе такой живот - а вот вышло... И проходила так Шаос ещё пол дня, бесцельно бродя по особняку от своей комнаты и до кухни, где клянчила чего-нибудь поесть - после чего снова удалялась к себе. Кряхтя и сопя, то слезая с кровати, чтобы подойти к ростовому зеркалу - то тяжело опускаясь на неё обратно.

Насколько же он у неё был большим? Что такое пять литров - думаю, каждый представить может. Например, в виде большой бутыли с водой. Только эта "бутыль" была привешена к метровой полурослице, начиная расширяться от самой её более чем скромной груди (из-за чего она у неё даже немного приподнималась над грудной клеткой) и плавно округляясь к промежности... Причём из-за того, что набита она была этим всем плотно - живот её сейчас был очень даже упруг.

~ место под иллюстрацию "с животиком" - но я хз, включать её или нет ~

А ещё уже через шесть дней её ждала "казнь"... Или пять? Она же теперь даже дату узнать не могла - её копия договора абсолютно не читалась, и поэтому сказала себе, что первым делом, когда она станет поподвижнее, ей нужно будет ещё раз дойти до того человека и узнать всё наверняка... Его же визитка с адресом должна была лежать где-то в ящике тумбочки?

Блондинка скосила на неё глаза... и так же плавно, будто бы в продолжение взгляду, растянулась на кровати, вытягивая руки и взмахивая в воздухе короткими ножками...

Но это - потом! А сейчас ей не следовало об этом думать. Зачем лишний раз накручивать себя негативом, волноваться? Волнение ей было ни к чему, да! Она вообще часто утешала себя этими словами, пока с улыбкой поглаживала слегка покачивающийся животик. Ведь всё-таки, от кого бы она это не понесла, они были её детьми. И ей стоило приложить хотя бы некоторые усилия для того, чтобы выносить их...

Куда их только потом девать?

- Не, Лиз. Хватит думать. У тебя всё лавно это плохо полутяется. Как выйдет... - Она опять поднялась с кровати в этом своём постоянном маршруте по комнате и встала у зеркала боком. У которого задрала лёгкое платьице и осторожно пригладила низ живота ладонью - прямо поверх растянутой, слабо мерцающей метки. - ...так выйдет! Тё тут думать?.. Эх...

И вообще - она не собиралась целый день безвылазно сидеть в своей комнате. Как миниум, раз всё опять затягивалось на неопределённый срок, ей нужно было отвлечься. Ходить же она способна - и даже вполне терпимо, а найти развлечение можно было и не покидая территорию имения, где и так все знают, какая она гадкая особа. Например, можно было походить следом за Алисандером, что заставило бы его немного понервничать. Возможно - поприставать с находящимися на грани приличия просьбами. Или навестить Никифия. Почему бы и нет? А то он сидит себе там один, скучает наверняка. И не знает людского тепла, хехе!..

Вот за этим-то она и порешила - у неё найдётся пара дел, которыми она может заняться с этим полуорком. И, обувшись в домашние тапочки, в простеньком, голубеньком сарафанчике - отправилась вниз, на первый этаж. А оттуда - в направлении конюшен, где должна была находиться её игрушка.

- Никиииифий! - Заулыбалась Шаос, стуча в калитку палочкой леденца. - Отклывай, твоя госпоза пъисла! Ау!

Опять стукнула в ворота - и отошла в сторону, дожидаясь, пока слишком тяжёлую створку, с которой ей сейчас не хотелось возиться, не открыли и наружу не высунулась рябая морда полуорка.

- Это вы, госпожа Лиза.

Взгляд мужчины спустился ниже - на задранное круглым животом платье девушки. И с глуповатым мычанием, он стал мотать башкой по сторонам.

- Хозяйка опять носит в себе ребёночков? Их потом закапывают... Они у неё рожаются мёртвыми, и это страшно. Я не люблю, когда мне страшно...

- Стой, стой, Никифий! - Успокаивающим движением взмахнула руками Шаос. - Во мне от звейей. Они будут зывыми!

И показала ему два выставленных пальца в любимом своём жесте. Ведь как же хорошо, когда есть кто-то, кого ты можешь утешить - а заодно поселить этим надежду и в своей душе. Были бы там щенята, с которыми она хоть несколько дней могла понянчиться, перед тем каких их бы пришлось передать на взращивание нормальной собаке... Или кое-кому, не предупреждая кое-кого, попросить кого-нибудь их утопить в каком-нибудь пруду. Но к личинкам было очень сложно относиться с материнской любовью и радоваться их появлению на свет.

- Я не понимаю, зачем хозяйка это делает.

- А по длугому я не могу! - И протиснулась у него подмышкой, заходя в тёплый и пахнущий лошадями зал. А потом взяла шаг между стойл, в самый дальний его конец - туда, где находилась "комнатушка" Никифия.

Там он, за тюками с сеном, соорудил себе из тряпья, сушёной травы и старых подушек постель, притащил ненужное, выставленное на выброс кресло, разбитый о трёх ногах столик и набор книжек - которые он прочесть не мог, зато не раз разглядывал в них картинки. И говоря о картинах - он тут одну даже повесил, на которой было изображено семейство Медяновых - ещё не сильно поседевший Малкой, его блондинистая жена-эльфийка и их любимая дочь - уже в дамианском обличии. И именно у последней на картине было ножницами изрезано всё лицо - это мать сделала, во время небольшого приступа. Почему этот семейный портрет и провалялся на чердаке, пока его не решили выбросить, а Никифий взял - да и забрал его себе. Кстати, Шаос в этот момент ещё не вернулась, и о том, кто это такая, он мог и не знать.

- Сказки титаес, да? - Придерживая живот одной рукой, девушка привстала на носках - и взяла со стола книгу с поучительной историей про людей, от мала до велика объединившихся ради общего дела: вытягивания из земли чрезвычайно большого овоща.

- Я не умею читать. Я глупый для букв... А хозяйка - умеет читать?

- Конесно я умею титать!! - Встопорщила она хвостик - но быстро успокоилась. И, подойдя к постели полуорка - осторожно на неё опустилась, вытягивая перед собой ноги и с коварной улыбкой похлопывая себя по коленям. - Давай. Давай, иди сюда, Никифий! Лозысь!

- Госпожа Лиза, я не понимаю...

Но он не спорил. Он вообще очень послушный парень. И опустился перед ней сперва на колени, а потом, обдавая ехидну теплом и странным запахом своего тела - лёг на подстилку, кладя лысую и слегка потную башку на голые коленки госпожи.

- Хехе!.. - Улыбнулась она ему сверху вниз - и разожгла на лбу метку, чтобы видеть буквы в ограниченном свете вечно заходящего солнца. - Знатит, так! Посадил дед молковку!..

И на несколько мгновений девушка замерла в нерешительности, ища на странице ещё хотя бы несколько буковок... Но что говорить - произведение было немногословным, и, прочтя буквально три слова, она была вынуждена переворачивать страницу. С чем у клуши-ехидны возникли трудности, потому что делать это приходилось ей на весу.

- И вылосла молковка больсая-пъебольсая!..

- У хозяйки смешной голос, она картавая! Говорит как Никифий в пять ле!..

Она стукнула его корешком книги по уху - и засопела.

- Нитево не могу сделать! У меня язык затолмозэнный! А то натьну слова ковелкать и ты вассе нитево не поймёс! Блин, и где я вассе остановилась? А, тут одна стлотька всего... И вылосла молковка больсая-пъебольсая!..

Слеееедующая страница...

- Пошёл дед молковку лвать!.. - Потянулась к странице... - А, стой! Тут ессё есть! Тянет-потянет - вытассить не мойет!..

Ещё один переворот страницы...

- Эй, Никифий... А Никифий?..

Орк, в это время вынужденный смотреть практически на один лишь её округлый живот - сильно скосил взгляд. И увидел на покрасневшем лице Шаос дурную, ехидную улыбку. Улыбку, не сулящую никому ничего хорошего.

Книга была закрыта и отложена в сторону. Она, быть может, и хотела бы продолжить её читать, из-за чего всё бы выглядело по её мнению ещё "забавнее" - но держать её в одной руке, в это время переворачивая страницы, она не могла. Поэтому девушка положила себе на плечи уже обе освободившиеся лапки и спустила с них бретельки платья, оголяя всё такую же маленькую, но воспалённую грудь.

Щёки её стали ещё краснее, и даже лёгкий тёплый ветерок заставлял ёжиться - всё-таки, она не очень-то любила обнажаться, а Никифий открыл рот, что-то замычал и стал паниковать. Он не понимал, чего хочет от него хозяйка. Не думал, что его мысли могут быть правдой, но тёплая рука девушки зашла за его голову, чтобы придержать за затылок - и слегка нажала, заставляя парня самостоятельно приподнять её и податься в направлении женской г... г-груди? Вроде как, груди... Уж по крайней мере точно - соска. И без каких-либо иных пояснений и намёков - он обхватил его... да не только сам сосок, а захватывая вместе с ним и всю правую её предположительно грудь своим большим ртом, своими буро-фиолетовыми, с зеленцой губами - и с силой втянул в себя воздух...

Дамианка нежно прокряхтела, когда центральный молочный каналец её розового ехидновского сосочка открылся - и из него вышло распиравшее и заставляющее зудеть её плоть молоко. Её лапки засучили по полу, а в груди... не в груди, в плане сисек - а там, глубоко внутри, стало очень и очень тепло. Настолько, что ресницы её покрылись блестящими капельками, и она, откинув голову назад, стала поглаживать сосущего её молоко юношу по безволосому затылку.

- Д-давай, Никифий... Т-там немного, но... - Она вздрогнула, когда клыкастая пасть слегка прихватила её за мягкую плоть в стремлении выжать из неё как можно больше сладковатой питательной жидкости. - Пей всё. Позалуста... Мне не залко!..

Ехидна опять закряхтела, уже не сдерживая своих слёз. И с выдохом - положила свою голову поверх его головы, слушая то, с каким чавкающим звуком он продолжал сосать её уже опустевшую грудь. Влажно причмокивал, тянул её губами - от обширной области вокруг неё и сходясь на самом сосочке. Огромный и неповоротливый, с башкой, чуть ли не с весь её торс - и он сосал её, как какой-то младенец. Сосал молоко из её беременного тела. И не важно от кого. И не важно, что они, вместе с волнением матери, начинали в ней ещё активнее шевелиться, вызывая внутри это липкое чувство.

- Там в длугой ессё есть. Ты только не кусайся...

Полуорк замычал, переходя к другой её груди и оставляя предыдущую: всю обсосанную, покрытую слюной, покрасневшую и опухшую. И со следами его зубов.

- Х-хехе... - И переведя воспалённый взгляд в сторону - девушка зацепилась взглядом за промежуток оголённой кожи на его спине, меж коротким пиджаком и его подвязанными простой бечёвкой штанами. - Вот и пъигодилось молотько, да?..

Её лапка скользнула вдоль живота парнишки - и скрылась за поясом его штанов, нащупывая там...

- А-аунгх... - Прокряхтел полуорк - и слишком сильно, до выступающих синяков стиснул зубами грудь девушки, а она же, кривясь от боли, обернула ладонь вокруг его излившей семя головки, чтобы собрать хотя бы пригоршню этой странно пахнущей жикости - и вытащила её наружу, попутно же теряя ещё несколько этих ценных капель.

А ведь в её фантазиях, она должна была ублажать его рукой, пока он бы сосал её грудь, но совсем позабыла о том, что он - скорострел. Так что довольствоваться ей пришлось уже результатом - и свою сложенную ковшичком лапку, ещё и неуклюже размазывая это по щеке, поднесла ко рту... а потом зажмурилась - и с влажным звуком слизнула, сию же секунду ощущая ответ на данное гадкое действие в виде дурманящего, розового тумана в голове. Непременно розового...

- А-аф... Аф, аф... Н-никифий... - Тепло и вкус горечи распространялись по её телу, усиливая негу грязного удовольствия. - У тебя отень... отень гадкое семя! Гойкое, ф... фу!

В голос кряхтящую девку "потащило" на сторону, взгляд продолжал туманиться, его заволакивали слёзы - но когда равновесие оказалось под неминуемой угрозой - её внимание зацепилось за блестящую белёсой плёнкой ладонь. Это вернуло ей концентрацию, и Шаос, с высунутым языком, наклоняя голову то вправо, то влево, в буквальном же смысле выдыхая влажные облака пара - облизнула её, вкушая мускус Никифия до самой капли. Со всех сторон, между каждого пальца, вычищая каждую на них складочку - и стонала, кряхтела, пока вся эта вязкая серая субстанция не оказалась ею поглощена и заменена прозрачной слюной...

- Никифий... - Она опять легла на него сверху, с шумом выдыхая ещё одно облачко пара. - Хотес мою слюнку слизнуть? У неё навенно ессё твой вкус есть, но моего... моего больсэ!.. Уф... Эй... Никифий?..

Полуорк лишь прокряхтел ей в ответ, продолжая словно бы по привычке обсасывать её грудь. Уже вяло и без больших усилий, причмокивая одними губами...

Он спал. И Шаос, по-доброму улыбнувшись - отёрла руку о платье, перед тем как закрыть глаза самой...

- Спи, спи давай...

А она, быть может, уснёт рядом с ним...

- Никифий? Никифий, сынок! Ты здесь? Пора домой собираться!

Хвост встопорщился аж до боли. Ещё бы чуть-чуть - и, наверное, вообще оторвался бы. И всеми своими силами она выскочила из-под тяжеленной головы орка, чтобы ловко спрятаться в стоге сена!.. Словно невидимый ловец теней!.. Нет, как сама тень!...

Ладно. Не выскочила - не смогла. А ещё промешкалась и испугалась. Но хотя бы одеться успела. Вроде бы успела. По крайней мере, лямки одежды она могла поправлять по любому другому поводу. И поприветствовала мать своего слуги трясущейся ладонью...

- Ой, я не думала, что... - Сказала не самого примечательного вида брюнетка, разве что

выглядящая устало и лет на десять старше своих лет, видя перед собой эту... довольно странную картину: своего спящего сына, положившего голову на колени его госпожи (ныне беременной, но... это у неё было часто), и совершающего какие-то странные пассы губами в направлении её груди. - Н-никифий, сынок... пора домой...

Она с нежностью коснулась рукой его плеча, но взгляд же её не мог не цепляться за тонкую ткань на груди девушки, от влажных, слюнявых пятен ставшую серой и просвечивающей её помятыми сосками. И следами зубов на самих грудях...

Орк замычал в ответ что-то невразумительное, поднимаясь настолько неохотно, что его приходилось ставить на ноги буквально через силу, пока Шаос всё так и продолжала пялиться в одну точку и улыбаться глупой улыбкой, одновременно с этим осознавая то, насколько же она глупое и никчёмное создание... В очередной раз это осознавая. И сильно краснея. Очень сильно краснея...

И всё же не это оказалось самым страшным - не то, что мать застукала её за чем-то крайне непристойным со своим сыном, который теперь, когда его наконец-то поставили на ноги, спустил перепачканые штаны и начал отирать их изнутри соломой. Когда по красной от стыда щеке ехидны стекала капля слезы и она всеми известными ей ругательствами крыла свою глупость и шлюховатость - её матка резко сократилась в сильной конвульсии.

Всё было плохо? Так вот - нагрянул пи*дец. У неё начались схватки.

С широкими от ужаса глазами (и настолько же сильно сузившимися зрачками), с побелевшим лицом и трясущейся, поклацивающей зубами челюстью, она на несколько особенно долгих секунд замерла недвижимо...

- Госпожа хотела меня покормить. Но она очень маленькая госпожа...

- Идём, сынок. Идём. Ты потом мне всё расскажешь, идём домой. - Женщина потянула полуорка за руку - а тот только лишь покачнулся всем телом, но ног ни на сантиметр не сдвинул, а продолжил что-то мычать.

Лизка же тем временем, хоть ей и было страшно шевелиться, стиснула веки - и стала медленно, чтобы без лишних, резких движений подтягивать под себя ноги. Под ней уже было мокро и липко - хоть и не воды, но это выделялась естественная секреция, для смазывания и облегчения прохода потомства через её трубы. И матка с завидной периодичностью продолжала сжиматься, пытаясь выдавливать своё содержимое в направлении кервикса, и хотя девушка изо всех сил и напрягала мышцы таза, не давая влагалищу раскрыться - она ощущала, как сквозь кольцо мышц проскакивали "тугие сгустки", после чего начинали ползать уже внутри её киски. Они будто "перетекали" из верхнего её "сосуда" в нижний, и с каждым последующим сокращением матки она испытывала всё большее давление именно внутри него.

Если бы она родила червей перед Никифием - ей бы было стыдно, но это она ещё могла пережить. Может быть немножко, самую малость - даже приятно. Перед его же матерью...

Наверное, этот стыд она бы не выдержала. И ушла в монастырь. Откуда бы её потом выгнали, потому что захотела бы она всё-таки в мужской... И всё же она ничего не могла сделать - да, она пробовала сесть как-то так, чтобы своей же массой давить хотя бы на внешние половые губы - на последние врата, защищающие её от позора - тем самым зажимая их плотнее, но внутри её влагалище уже сильно распиралось от этих личинок. Как напоминание - крайне активно ёрзающих и сокращающихся, ищущих любую щёлку, чтобы выбраться на свободу. Что она уже чувствовала, как одна из них, несмотря на силу сжатия, протискивалась через её безволосое копытце - белое, кольчатое тельце десяти сантиметров в длину и с чёрной, похожей на жучиную, головой. Оно наполовину вылезло наружу и теперь мотылялось под её полупрозрачным бельём, мокрое и липкое от слизи и смазки. И Шаос приходилось терпеть...

- С вами всё хорошо? - Спросила женщина, нашедшая в себе силы расшевелить сына. Но теперь уже не могла уйти по другой причине, потому что она видела все эти перемены, произошедшие с Лизой Медяновой за какие-то несколько секунд. От стыда и растерянности она сперва впала в ужас - а теперь и вообще испытывала некие особенно сложные эмоции. - Мне позвать вашего отца?

Вся до дрожи напряжённая, эта округлая животиком и вся такая мягкая остальным телом рогатая полуполурослица сидела на полу с вздёрнутой кверху головой и сквозь сжатые губы скулила, пока из глаз и с губ тянулись влажные подтёки. И лапками своими она судорожно натягивала слишком короткое платье, чтобы хоть как-то скрыть своё бельё и...

- У... у-уйдите... - Личинка выскочила из её тела полностью - и осталась вошкаться в её трусиках. Белая, мерзкая, сокращающаяся - и уходящая перекреученной, сине-красной пуповиной в глубины тела матери. И оттуда же наружу полезло ещё несколько таких же - вполовину высунувшихся между её пухлых половых губ в виде какого-то подобия омерзительного цветка... и что-то длинное, белое - похожее на переваренную лапшу. И извивающееся. И это белое извивающееся стало особенно бодро лезть наружу, по влажной поверхности её белья - и сбоку вылезая из-под него. - П... плосу! Я... не могу, больсэ, они... во мне!

Человечиха успела дёрнуть сына за локоть, утаскивая прочь, лишь бы не увидеть то, что она бы в жизни не смогла забыть. Как полукровка открыла рот и в голос закряхтела, одновременно с этим привставая на коленях и наконец-то, с неописуемым удовольствием, расслабляясь...

Они повалили наружу сплошным потоком - "короткие" личинки вперемешку с длинными, повисая на её провисшем, пропитанном вязкой жидкостью белье - своими ли телами или длинными пуповинами. И образовывая под ней мерзкую, шевелящуюся горку. С влажным чавканьем смазки и прочей слизи, за каких-то пару секунд из неё "вылилось" добрых два литра этих червей, и девушка, не способная выдержать этих ощущений, испытала грязный оргазм. Отчего тело её конвульсивно сжалось, словно бы действительно какую-то жидкость выдавливая из матки новый литр этих гадов, ещё сильнее обостряя ощущения и заставляя саму её пасть навзничь и начать изгибаться и корчиться, как одну из этих тварей. И сквозь это застилающее разум чувство, сквозь дрожь во всём теле, она раздвинула ноги шире, схватилась сразу обеими лапками за пропитанное соками бельё и, растягивая его так, чтобы оно не мешало её детям покидать её тело - со всей силы напрягла живот, выдавая третью, по сути своей последнюю волну личинок...

Ещё с два десятка этих белых тварей вылетело из неё, разбрызгивая за собой нити слизи и разматывая гадкого вида пуповины. А ещё пять из них не смогли выскользнуть полностью и теперь копошились, высунув из её полураскрытой киски только самые кончики своих чёрных голов, при этом бессмысленно открывая и закрывая свои личиночные рты. Они так дышали...

И это отправило Шаос же на следующий виток удовольствия, что она ударила головой о подстилку Никифия и, отползя полметра назад, в оргазменной дрожи, с мокрым от слюны и слёз лицом, приподнялась на локтях, чтобы взглянуть на всю эту картину со стороны.

Это было омерзительно. Огромная куча червей. Более полусотни мерзких десяти сантиметровых тварей - вне её матки полностью расправивших свои полости и ставших ещё больше и жирнее. И каждый из них всё ещё тянулся в неё своей пуповиной, скрываясь где-то глубоко внутри её тела. Кроме тех паразитов, конечно, которым пуповины были не предусмотрены - но они тоже вертелись в этой куче, шевеля своими длинными хвостиками.

- Это... не могло быть в-во мне... - Тяжело дыша, качнула ехидна головой из стороны в сторону. И громко икнула, плавно ложась на землю. Закрывая глаза и морщась от шевелящегося чувство внутри её тела - как минимум, несколько из этих созданий осталось внутри её влагалища. И, чего она действительно боялась, ибо схватки её закончились - могло остаться и в её матке. И посему осторожно взялась за живот...

На ощупь он оказался мягким. Осевшим и растянутым, имел складки. А все её внутренние проходы были сильно забиты перепутанными пуповинами и запутавшимися в них личинками. Ей нужно было вмешаться... И своими маленькими, трясущимися от усталости и дурманящей похоти пальцами Шаос коснулась торчащего из её киски червяка - того, длинного. Паразита... И с кряхтением вытащила его наружу, откладывая в сторону. Затем взялась за следующего, уже родного - и с аккуратностью вытащила из себя и это влажное, тянущееся слизью создание. Всё такое мягкое, мерзкое - и его она уже положила себе на грудь, чтобы он при желании мог попробовать покормиться. Благо платье её уже сбилось и как-то прикрывало лишь один сосок. После - вытащила ещё одного, и... и, снова икая, положила на свою грудь. Зато остальные трое, освобождённые от затора, выдавились сами - под напором ещё половины десятка братьев в сопровождении густой лужицы прозрачной слизи.

Она опять закряхтела. Взялась за лицо и, подрагивая, нашла в себе силы, чтобы перевернуться, встать на колени и уже из этого положения, но соблюдая осторожность, чтобы никого не раздавить, наступила одной ногой на предварительно собранный пучок пуповин... Сделала глубокий вдох...

И резко встала, ощущая, как на миг её сознание потухло во вспышке боли от того, как множество крохотных плацент отсоединились от внутренней поверхности её матки, от её кровеносной системы, разделяя её, как мать, от своих детей. А вместе с ними наружу хлынул и поток оставшихся в ней десяти личинок, падая ей прямо под ноги и повисая в болтающемся на уровне колен белье. И разматывая за собой новые нитки перекрученных сосудов...

А потом дамианку накрыло "эхо" уже в виде истомы. Облегчения... Настолько сильного, что Шаос зашатало. Она ступила в одну сторону. В другую. И хотя её нельзя назвать хорошей

матерью, она ею всё-таки старается быть, но сейчас она не могла контролировать своё тело - и неминуемо наступала на кого-то. И при этом не все из них были способны выдержать её двадцатикилограммовую массу... И потому, с белым пятном вместо зрения и подкашивающимися ногами, она лишь выбрала примерное направление, где должно было быть поменьше её детишек - и кулём упала туда...

***

Сопя и пыхтя, Шаос одним глазом наблюдала за длинным паразитом, машущим перед её лицом своим хвостом в то время, как он вторгался в её сосок. Эти ощущения были очень... очень своеобразны. Лёгкая, вполне терпимая резь, заставляющая сердце биться сильнее, а щёки... да как и всё тело - теплеть от стыда. Гадёныш забрался в неё, пока она находилась в отключке, но, пока наружу торчал ещё достаточно длинный хвостик его тридатисантиметрового тела, за который его можно было вытащить, Шаос его терпела. Облизывала губы и лишь косо на него поглядывала, как бы делая вид, что не замечает его. Хотя когда он бил её по лицу - было неприятно.

Сама же она занималась тем, что отцепляла от себя все торчащие из неё пуповины - в том числе и те, что были оборваны или отгрызаны. Многие из её "детишек" к этому времени расползлись. И что теперь вообще с ними делать она и не знала. Поймать всех точно не сможет... Да, а ещё выдергивала тех длинных гадов, которые прицепились к ней изнутри и теперь торчали наружу. Часть из них, кажется, и не шевелилось, но...

Короче, ей в любом случае нужно будет сходить на кухню за ёршиком. А ещё намекнуть отцу, что в конюшне стоит приубрать... При этом - как-нибудь поаккуратнее, если можно...

- Э-эээ, стоп! Н-нееет-нет, вылезай! Вылезай оттудова!...

*****

http://erolate.com/book/412/24941